

КАКУЮ ОБЩИНУ РАЗРУШАЛ П. А. СТОЛЫПИН?

В статье раскрывается вопрос о соответствии систем землевладения, землепользования и сельского расселения, образующихся в ходе осуществления столыпинских аграрных преобразований, древним формам общинной организации русского крестьянства. На основе анализа исследований специалистов в области аграрных отношений средневековой Руси и России конца XIX — начала XX вв. автор показывает, что столыпинская аграрная реформа не была надуманным мероприятием оторванных от жизни кабинетных теоретиков, а отвечала насущным потребностям той эпохи.

Реформы П.А. Столыпина в аграрной сфере социальной и экономической жизни России — явление сложное. В отечественной историографии они оцениваются неоднозначно. Противоречивость суждений и оценок столыпинских реформ обычно объясняется их "половинчатым", "ограниченным" характером, а также их незавершенностью. При всей противоречивости мнений историки, как правило, сходятся на том, что в конечном итоге Столыпину не удалось ни разрушить крестьянскую общину, ни создать слой земельных собственников. И, как утверждает П.Н. Зырянов, "вообще во всей этой затее с хуторами и отрубам было много надуманного, доктринерского. Сами по себе хутора и отруба не обеспечивали подъем крестьянской агрикультуры и необходимости повсеместного их введения никем не доказано"¹. В другой своей книге Зырянов также пишет: "Печать кабинетности и отвлеченности лежала на столыпинской реформе, и крестьяне боролись против реформы не по невежеству своему и инертности, а потому, что большинство их считало ее нелепой барской затеей, мешающей хозяйствовать и отвлекающей от коренного вопроса о земле"². Утверждается также, что Столыпин насаждал русским крестьянам чуждый западный уклад, основанный на индивидуализме, разрушавший традиционные формы существования деревенской жизни, и поэтому крестьяне активно выступали против реформы. Например, по мнению В.Д. Полканова, "...реформаторы недооценили глубинную суть общинного землевладения. Дело в том, что община была не только экономической, но и социо-культурной (да и политической) ячейкой российского общества. В ней получили развитие коллективистские ценности, принцип социальной справедливости. А потому трагическая ошибка Столыпина заключалась в том, что под натиском западных идей он посягнул на многовековой уклад крестьянской жизни, игнорируя российские традиции, российский менталитет.

Анализ ситуации показывает и то, что в столыпинской аграрной реформе изначально неверно была сформулирована сама концепция преобразования: "община или фермер". То был серьезный просчет: повернуть ось России путем опоры лишь на частнособственническое крестьянское хозяйство, распродажу земли в частную собственность. За тысячелетнюю историю России крестьянская земля не продавалась никогда. И в этом отношении столыпинская реформа была именно тем "великим потрясением",

против которого выступал в своей знаменитой думской речи Петр Аркадьевич".

Аналогичную точку зрения отстаивает В.Б. Шепелева: "Сильно и образно бичуя своих противников слева, утверждая, что они хотели бы избрать путь радикализма, путь освобождения от "культурных традиций", Петр Аркадьевич попытался на деле стать едва ли не радикальнейшим "взломщиком" исторического прошлого, духовных традиций, важнейших пластов "культурного кода" российского суперэтноса"³.

Примеры подобных оценок можно продолжить, однако, думается, и приведенных высказываний достаточно, чтобы сделать вполне определенный вывод. В качестве аксиомы своих рассуждений авторы берут известную схему русской общинно-коллективистской традиции. Активно высказываясь против идеи индивидуального хозяйствования, они апеллируют к древней народной традиции, которая, согласно их позиции, состояла в уравнительном коллективизме и исконной артельности русской крестьянской общины, не приемлющей обособленных хуторов.

Анализ отечественной литературы позволяет выяснить, какое место в структуре общины занимала функция, регулирующая земельные отношения между ее членами в период становления и эволюции. Известно, что община сложилась еще в догосударственную эпоху существования народов и на ранних этапах истории была оптимальной формой организации жизнедеятельности населения. Если обратиться непосредственно к Восточной Европе, на территории которой происходил процесс складывания русского государства, то здесь — как утверждает Л.В. Милов — «формирование классового общества происходило под существенным воздействием природно-климатических условий. Следствием этого, по мнению автора, явилось многовековое существование в России общины маркового типа. Основной причиной жизнедеятельности русской общины была ее несравненно более важная, чем в Западной Европе, роль в организации земледельческого производства. Именно в этом кроются ее большая внутренняя прочность и влияние»⁴. Проследивая генезис крепостничества в русском государстве, Милов считает, что специфичность развития феодальных отношений в условиях существования общины маркового типа проявилась в системе сельского расселения крестьян в XIV-XV вв., а отчасти в XVII в. Характеризуя эту систему, исто-

рик ссылается на результаты исследования, проведенного А.Я. Дегтяревым. Дегтярев в ходе своего изучения истории сельского расселения крестьян до XVII столетия, пришел к выводу о полном господстве в русском государстве вплоть до конца XVI в. мелких одно- и двухдворных поселений. По обработанным А.Я. Дегтяревым данным по 17149 поселениям в северо-западной Руси было 70,6 % одно и двухдворных поселений⁵. По мнению Л.В. Милова, видимо вплоть до конца XV в. этот тип сельского расселения был характерен и для центра страны. Однако уже с конца XV в. в центральных районах эта система сельского расселения постепенно сменяется другой, с преобладанием более крупного поселения (6 дворов и более)⁶.

В сущности, эти выводы не противоречат результатам исследований известного дореволюционного специалиста по истории сельской общины средневековой Руси Н.П. Павлова-Сильванского, который в свое время установил, что "значительная часть деревень, описанная в наших писцовых книгах XV-XVI вв., состояла из одного двора... деревни в 2,3,4 двора возникли в результате деления деревни, одного дворохозяйства на части (имеется в виду распад патриархальной большой семьи и выделение сыновей). В писцовых книгах сохранились ясные следы единства деревни, состоящей из нескольких дворов... первоначальный тип деревни — отдельное пашенное хозяйство с отдельным двором"⁷. Совокупность таких дворов составляла волость. Центром волости становилась совместно построенная относительно обособленными хуторами — хозяйствами (деревнями) церковь, а иногда и свой мирской монастырь, где хранилась казна общины, проводились мирские сходки, обучались грамоте дети, совершались благотворительные дела и т.д.

Что же касается "исконных" принципов землепользования, то Павлов-Сильванский доказывает, что принципы эти были практически одинаковыми как в германской марке, ставшей фундаментом западноевропейской аграрной системы, так и в русской общине до ее закрепощения: "Члены волостной общины-марки, помимо права их на пользование общинными угодьями, владели землею на праве собственности. Они свободно распоряжались своими наследственными участками, как о том свидетельствуют многочисленные купчие и другие акты... У нас понятию "ГУФА" или MANSUS (земельная собственность крестьянина в марке) точно соответствуют термины "село земли" и "деревня". "Селом" называлось все хозяйство, двор с усадебной землей (дворище), пашни и пожни, и всякие угодья.

Сходство русской общины с немецкой маркой, по мнению Павлова-Сильванского, объясняется не заимствованием и не случайным совпадением, а одинаковым развитием поддействием одинаковых условий и отчасти арийским родством русского права с германским⁸. Особенно развитым было право частной собственности на землю на русском Севере. Продажа, заклад, обмен, отвод, дарение и прочие сделки относительно земли заключались северорусскими крестьянами без какого-либо вмешательства государственной администрации, по крайней мере, до первой половины XVII века включительно⁹. Даже в послеопричные времена Судебник 1589 года фиксировал на всей территории частную собственность черносошных крестьян на землю с правом передачи по наследству и продажи, с согласия родственников¹⁰.

Таким образом, община вольных крестьян не посягала на регуляцию землевладения и хозяйственной

деятельности своих членов, ее функция ограничивалась правилами мирского самоуправления: защита от внешних административных или иных давлений, взаимопомощь, совместное церковное строительство, благотворительность и т.д. Наличие этих форм совместной организации позволяло русским крестьянам выполнять такие трудоемкие работы, как расчистка леса, порослей, кустарников, выкорчевка пней, осушение болот и т.д., которые в силу суровых природно-географических условий европейской России и необычайно напряженного бюджета рабочего времени русского земледельца, необходимо было выполнять в максимально короткие сроки.. В любом новом крае, где происходила русская крестьянская колонизация, очень быстро образовывались крестьянские общины, форма землепользования была захватной, т.е. каждый крестьянин мог взять столько земли, сколько хотел. Общины — коллективные деревни возникли из-за уплотнения населения, а земельный дефицит приводит к уравнительной системе землепользования. Если крестьяне выселялись в новый район, где земли было достаточно, то форма землепользования вновь становилась захватной, а общиной становилась волость (несколько отдельных крестьянских дворов). Общины-волости были широко распространены в Сибири еще в начале XX века¹¹. Добавим также, что в Сибири обособленные крестьянские дворохозяйства назывались заимками. В сущности эта едва ли не самая древняя заимочная форма сибирской общины, широко распространенная еще 100 лет назад, представляла собой позднюю копию вольнохуторской системы расселения, которая доминировала в сельской общине европейской России 500 и ранее лет назад, т.е. до закрепощения¹². «Земля, освоенная по праву захвата, — писал Н.П.Павлов-Сильванский — представляет собою полную собственность лица, ее захватившего»¹³.

При этом внутренняя сущность крестьянской общины оставалась неизменной — она была самоуправляющимся «миром». Н.П.Павлов-Сильванский писал по этому поводу «В общине легко различаются два элемента: 1. мир, мирское самоуправление; 2. общинное землевладение или землепользование с переделами земли... переделы появляются впервые в XV-XVI вв. под внешним, помещичьим или правительственным тягловым влиянием... мир существовал у нас задолго до того, как возникло общинное землепользование»¹⁴. По этому поводу Ю.П.Бородай справедливо подчеркивал, что «Различение двух элементов общины чрезвычайно важно, поскольку в расхожей литературе очень прочна тенденция отождествлять общинные отношения с системой совместного землепользования и круговой поруки, т.е. сводить всю их сущность ко вторичному, чисто фискальному по своей функции элементу, навязанному извне. Из этого расхожего представления и исходят авторы, пытаясь «вывести» артельно-социалистические черты из «древних» мирских традиций»¹⁵.

Исходя из всего вышесказанного, представляется, что введение хуторской системы Столыпиным наряду с местным самоуправлением объективно есть не что иное, как возрождение древних, давно забытых докрепостнических принципов мирской организации русской деревни, освобожденной от круговой поруки и принудительного уравнительного коллективизма в землевладении и землепользовании, навязанных русскому крестьянству бюрократическо-крепостнической системой абсолютистского государства. По сути, Столыпин завершал дело, начатое и незаконченное реформой 1861 года; — освобождение

крестьянина с землей. Община становилась свободным объединением семейных хозяйств — тем, чем она была до введения в России крепостного права. При этом слабые общины отмирали, жизнеспособные сосуществовали наряду и вместе с хуторскими наделами. Иными словами, П.А. Столыпин своей реформой разрушал не все общины, лишь, главным образом, переделные, беспеределные же общины не разрушались, а преобразовывались, в них проводилось землеустройство. Основной целью землеустройства, как известно, было уничтожение многополосицы, черезполосицы, дальнотелье. Вследствие этого ликвидировались многие, а иногда все сопутствующие недостатки. По закону 29 мая 1911 г. предусматривалось не только улучшение земельной площади крестьян, но и передача земли в личную собственность домохозяина без дополнительных актов, сразу по утверждении проекта землеустроительными комиссиями. Не нужно было предварительно выходить из общины для укрепления земли за собой, как до принятия этого закона. При этом часть угодий, (в основном пастбища, лес и сенокосы), как правило, должны были оставаться в общинной или групповой собственности¹⁶. Именно такой порядок существовал в русской общине в эпоху средневековья.

Закон от 14 июня 1910 г. значительно упрощал порядок выхода из подлежащих землеустройству общин, в которых не было переделов после 1861 года. В них не нужно было получать разрешение сельского схода, а только требовалось подать заявление. С конца 1910 г. уже отдельно регистрировались заявления домохозяев таких общин. За 1910 — 1915 гг. их было подано 618 тыс., или почти на 200 тыс. меньше, чем из общин с переделами (811, 5 тыс.) за те же годы. Вероятно, это объясняется тем, что в беспеределных общинах, по существу, было подворное, а не общинное землевладение¹⁷. Такая община с подворным владением была уже гораздо ближе к исходному типу — хуторскому, преобладавшему в черносошных волостях средневековой северо-восточной Руси вплоть до 1-й пол. XVII в.

Наряду с преобразованиями в области земельных отношений П.А. Столыпин намеревался осуществить реформу местного самоуправления, т. е. крестьянское самоуправление включить в работу земства, которое по реформе 60-х гг. XIX в. было весьма верхушечным, барским. Столыпинский законопроект «Об установлении главных начал устройства местного самоуправления» отменял сословно-дворянский принцип местной власти. Волость представляла собой по новому положению сплошной территориальный округ. В ее состав входили все земельные владения «без различия сословия и положения их владельцев». На такой основе в отдаленном будущем должна была осуществляться и интеграция двух культур — дворянской и крестьянской. Распорядительный орган волости организовывался на выборных началах. Реформа местного самоуправления, направленная на восстановление в освобожденной деревне старого, исходного «первого элемента общины», т. е. мирских правил, повсеместно принятых на Руси до закрепощения крестьян, была призвана стать политическим оформлением аграрного законодательства.

Таким образом, П.А. Столыпин своими преобразованиями не столько разрушал русскую общину, сколько восстанавливал ее древний, исконный облик с ее первым исходным элементом, который она имела до закрепощения и которого она впоследствии лишилась, а именно мирское (волостное) самоуправление при индивидуальном владении пахотной

землей отдельными крестьянскими хозяйствами. Разрушал же он вторичную, чисто внешнюю, не свойственную традиционной русской общине фискальную бюрократическую функцию, навязанную ей (общине) абсолютистско-крепостнической государственной системой. Эта фискально-бюрократическая функция заключалась в мелочной опеке и регламентации хозяйственной жизни и деятельности крестьянина-землеустроителя.

Если попытаться исследовать проблему на макроуровне, а именно так ее и нужно решать, рассматривая в гораздо более широкой, чем это принято, исторической ретроспективе, то нетрудно заметить, что своей реформой в области организации форм поселений и собственно земельных отношений Столыпин не вводил в русскую деревню ничего принципиально нового. Его «новое» — это хорошо забытое старое, поэтому мнение о том, что столыпинская реформа была явлением кабинетным, канцелярским, отвлеченно-доктринерским, чуждым русскому национальному духу и менталитету крестьян, является, на наш взгляд, поверхностным и ошибочным, противоречащим реальной исторической действительности. Столыпин разрушал не общину вообще, а общинную систему землевладения и землепользования, т. е. ту относительно позднюю застывшую форму общины, которая насильственно удерживала наиболее самостоятельных, трудоспособных, инициативных крестьян в полукрепостной зависимости через механизм круговой поруки. Иначе говоря, предполагалась не ликвидация общины, как типа социальной организации крестьянства, а ее видовое перерождение, т. е. радикальная трансформация с восстановлением древних форм жизнедеятельности, обусловленных традициями мирского (волостного) самоуправления индивидуальных хуторских хозяйств и других поселений аналогичного типа, получившими свое наиболее полное воплощение в период т. н. «золотого века» русской деревни (примерно с 1460 по 1560 гг.). Таким образом, благодаря столыпинской аграрной реформе Россия вновь обретала утраченную когда-то национальную основу и возвращалась на свой истонный исторический путь развития. При этом право крестьян на свою землю закреплялось на законодательном уровне и приобретало надежную гарантию защиты со стороны государства.

Примечания

¹ Зырянов П.Н. П.А. Столыпин: политический портрет. М. 1992. С.60, 123.

² Зырянов П.Н. Крестьянская община Европейской России. 1907-1914 гг. М. 1992. С. 139, 254.

³ Полканов В.Д. Уроки столыпинской аграрной реформы // П.А. Столыпин и исторический опыт реформ в России. Омск. 1997. С. 87-90; Шепелева В.Б. К вопросу о современной историографической ситуации относительно реформаторской деятельности П.А. Столыпина // Там же. С. 53.

⁴ Милов А.В. О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3. С. 178.

⁵ Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV-XVI веках. Очерки истории сельского расселения. Л. 1980. С. 38, 49, 103-107 и далее.

⁶ Милов А.В. Указ. соч. С.183.

⁷ Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М. 1988. С.208.

⁸ Павлов-Сильванский Н.П. Указ. соч. С. 43-47.

⁹ См. Швейковская Е.Н. Нормы обычного права в земельно-распорядительных сделках крестьян Русского Севера первой половины XVII в. (По материалам Сольвычегорского уезда) // История СССР. 1985. № 2. С.96-111; Копанев А.И. Крестьянское земле-

владение Подвинья в XVI в. // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. Л. 1972. С. 103-137.

¹⁰ Стариков Е. Община: от русской марки к уравнительному переделам // Знание-сила. 1994. №3. С. 18.

¹¹ Лурье С. Российская государственность и русская община // Знание-сила. 1992. №10. С.4.

¹² См. Сухотина Л.Г. Формы землепользования, земельные системы и орудия труда в сибирской деревне второй половины XIX в. // Вопросы истории Сибири. Вып. 3. Томск. 1967. С.58-70.

¹³ Павлов-Сильванский Н.П. Указ.соч. С.238.

¹⁴ Павлов-Сильванский Н.П. Указ.соч. С. 50.

¹⁵ Бородай Ю.П. Кому быть владельцем земли // Наш современник. 1990. №3. С. 105.

¹⁶ Тюкавкин В.Г. Великолукское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М. 2001. С. 191, 198, 203.

¹⁷ Мацузато К. Столыпинская реформа и российская агротехнологическая революция // Отечественная история. 1992. №6. С. 197. См. также Анфимов, А.М. Неоконченные споры. // Вопросы истории. 1997. №6. С.55.

КУЗНЕЦОВ Дмитрий Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории.

УДК 947+957

М. В. УГРЮМОВА

Нижевартовский филиал
Омского государственного
технического университета

ЗЕМСКИЙ ВОПРОС ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ (60-Е ГГ. XIX В. — 1917 ГОД)

Статья посвящена наиболее актуальной проблеме отечественной истории — вопросам земского самоуправления в России в XIX — начале XX вв.

Вопросы земского самоуправления в России относятся к числу наиболее актуальных проблем отечественной истории, поскольку очевидна их связь с настоящим временем, когда на местах до сих пор формируются и действуют органы местного самоуправления, идут попытки реформирования власти на местах. Как известно, Сибирь в период великих реформ XIX в. земства не получила, хотя на этом настаивали и общественность, и местная власть. Долгожданное земство появилось в сибирских губерниях только с приходом к власти Временного правительства. Проблемы сибирского земского самоуправления пореформенной и революционной России нашли свое отражение на страницах периодической печати.

Для отдаленных территорий России пореформенный и революционный периоды явились временем зарождения и становления целого комплекса патристических идей, самосознания российских провинций. Модернизация различных сфер жизненного уклада страны затрагивала как экономику, кадровую политику государственных административных органов, развитие науки, образования, культуры, так и проблемы местного самоуправления. Значительное оживление работы печатных органов способствовало появлению новых тенденций в области их функционирования, расширяло сферу их влияния на российское общество в целом, и на Сибирь в частности. Как в центральных районах России, так и на ее окраинах пресса стала не только выразителем общественных идей времени, но и взяла на себя функции созидателя, организатора многих социальных инициатив, она

стала проводником передовых реформаторских настроений российского общества

В 1860-е гг. XIX в. — 1917 г. идея введения сибирского земства находила широкий резонанс в центральной периодической печати. Эта проблема освещалась как в либеральных общественно-политических журналах и газетах общего плана («Голос», «Русская мысль», «Вестник Европы», «Юридический вестник», «Дело» и др.), так и в специальной земской центральной периодике («Земство», «Земское дело», «Земская школа» «Земский работник», «Известия общеземской организации» и др.) Прогрессивные теоретики земского самоуправления и видные общественные деятели того времени поднимали вопрос о сибирском земском самоуправлении не один раз¹.

Первыми в Сибири вопрос о местном самоуправлении подняли члены кружка «Молодая Сибирь» — будущие областники, центром деятельности которых стали сибирские города Томск и Иркутск. В ранних работах лидеров областнического движения Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева не было еще конкретных предложений по данному вопросу, но общие призывы о необходимости ввести земское самоуправление в крае в них содержались. Более четкой была позиция С. С. Шашкова, который в своих публичных лекциях в конце 60-х гг. XIX выдвинул требование о введении «новых мирских сходоу, земских советов и нового великого земского собора»¹. В 70-е гг. XIX в. наметился заметный подъем в общественных настроениях, чему способствовало проведение городской и судебной реформ, открытие первого в Сибири уни-